

Бозя!» От йии сэрцэ затряслось, заплакала, уже нэ поклала його в ямку, нэ хова... Ёже взяла и нэсэ на плéчах дорогоу, полэм. Идэ вона, идэ вона и плаче. А сзади йиде конём, мужчина:

— Здравствуй, — як вона там, — Ганя! (чи як называлась? Позабыла! А вин Питро.)

— Ты хто таки буде?

— Питро я!

— А, Пэтро!

— Де ж ты була?

— Я була, — каже, — була, бачишь, иду додому.

— Ну, то ты знаешь, шо я тоби скажу, та давай подружимся видтэпэр?

А вона каже:

— Як я прыйиду додому, та я пиду до батька, батько помэр в мэнэ, значить, косу свою на кладбище закопаю — честь отдам пэрэд батьком, а ты, як хочешь, бути мини, значить, шоб ты мини був братом, а маме — зятём, а дытыне — батьком. Согласный ты так чи не?

От, оце такэ було. Це було напысано такэ, от я, и це причудия... О, тварылося. Та я оце знаю...

23. Приходит други чировик до жинки, до други жинки.

— Ка, где ж вы были, шо вас так долго не были?

— Быў на тым свити!

— А шо на тым свити?

— А шо на тым свити? Ваша мама просыт допомогы и батько ваш просыт допомогы. О...

— А шо ж вы... А шо... А якои ж допомогы?

— Батько босый ходэ, сапоги трэба, костюм трэба йому даты, а мама тоже роздита.

Та зибрала с чоловика сапогы, костюм новый и тому дала будто на той свит. Ну вин же пишоў, пишоў. Ну це ёже пройшло, пройшло, той чировик вже:

— Де, де, — каже, — мои ти?

— Абы дала батькови, бо на тим свити, зачит, нема шо вдиты.

Мовчит вин вже, шо ж будэ казаты? Уже пройшло, пройшло мисяця два, тры. Знов прыходэ цый чировик:

— Добрый день, доброго здорovia!

Воны — батько, мама вже в одже не нуждаются. Воны гришми нуждаются. Воны строят хату, бо хата завалылася, им треба помогты ха... до хаты гроши даты.

Ну, та, та дала гроши. Дала гроши. Ну, и пишла, и пишов вин. О. И вин иде соби, та й пишеў соби через садок. Вин приходит:

— Шо такэ?

— Та прыйшоў же гроши взяў.

— Куды е вин пишоў?

Господы, як вин його догнав, цей чировик, як став його быты! Всё, за цей обман [смеется]. За ти гроши...

24. Жинка живет с чировиком дуже гарно, и...

— Я, — каже, — я нэ була на базаре. Я... Колы ты ёже мэнэ повэзэш на базар? Хай я куплю базару. О...

— Ну то ёже поидемо, ну поидемо, — о, — везе мене на базар!

Ну, це ёже куды ж на базар вэзти. Бэрэ запрагае кони, бэрэ там рядно, стэлыт на, на сино, на цю, повозку, всё. Вона бэрэ качки, шо их там дви, гуски, вэзэ на базар. Да. И вона йидэ на базар. На ярмарок, то казалы «ярмарок», «о, я хочу ярмарку купыты». Да.

Ну, приихалы на базар, вин пишеў помэжи кони, а вона стала соби, та й стит. Прыходыть еврей:

— Шо за ци качки у вас? За шо? Шо за качки?

— Ярмарку купыты. Ярмарку купыты. Я хочу ярмарку купыты.

— Я тоби поможу купыты.

— Ну то хорошо. Натэ, — дае ему ти дви гуски и дае рябэ, це рябэ рядно, шоб вин накрыўся, як вин будэ вэзти ярмарки, шоб вона його впизнала. А то ж вона нэ впизнае, от таки люди булы.

Ну ёже чекае, цих, гус... цих дви гуски забраў, рядно, всё. Тои же чировик, там, мужик ее там приходе:

— Ну идым, жинка, додому. А дэ рядно?

— А дивися, буде ети... еврей йихаты то й цэй у нашем рядне, накрыты, буде ярмарку вэзти. Та й заберемо додому ярмарок.

Сидают вони, до самого дому, прутом ее бье до самого дому, дае ярмарку. А тои... ото зробыла... Чуετε, яки люды булы, ярмарку [смеется].

25.

Жила вдова на роздолыи, Не дав йий Господь доли, А даў ей тры сыночки-голубчыкы, А тры дочкы-голубочки.

Сыны зрослы — ў разбой пишлы, Дочки зрослы — блудом пишлы.

Найстаршая втопылася,

Сэрэдняя покрылася,

Наймэньшая волю пáсла,

Такым вона блудом пишла:

Заблудыла в чистым поли.

В чистым поли вогонь гóрыт,

Коло вогню розбой сыдыт.

Еден каже: «Зарубаемо!»

Другой каже: «Застреляемо!»

А трэтий каже: «Распытаемо!»

«Якого ты, дивко, роду?»

Якого ты, дивко, краю?» —

«А я роду вловэнього,

А я краю далекого...».

«Нэвкыпила (?) брата, — каже, —

Нэбожныця сестра наша,

Помолимся, братя, Богу.

Видим систру на дорогу».

Публикация

С.Н. АМОСОВОЙ, С.В. НИКОЛАЕВОЙ

(Санкт-Петербург)

Очередная этнологическая экспедиция (Третья Пудожская) Российско-французского центра исторической антропологии им. Марка Блока (ЦМБ) Российского государственного гуманитарного университета проводилась в д. Каршево Пудожского р-на Карелии с 21 июня по 21 июля 2005 г. Помимо Каршево, мы работали также в пос. Красноборский и в деревнях Нигижма, Гакукса, Теребовская. В экспедиции участвовали в основном студенты и выпускники ЦМБ РГГУ и историко-филологического факультета РГГУ. О задачах экспедиции мы писали подробно в хрониках первой и второй экспедиций (см.: ЖС. 2004. № 2. С. 45—49; 2005. № 1. С. 44—45). В этом году наиболее ценным оказался материал по темам: «Детский фольклор», «Демонология», «Скотоводство», «Народная медицина».

Предлагаем вашему вниманию статьи студентов, написанные на основе собранных ими материалов.

А.Л. ТОПОРКОВ,

доктор филол. наук

КАРШЕВСКИЕ ЧАСОВНИ

Строительство часовен, посвященных определенному празднику или дню памяти того или иного святого, было в течение многих веков характерно для Русского Севера. Яркой современной иллюстрацией этой традиции являются три часовни в районе д. Каршево Пудожского р-на. Все они возведены в течение 1990-х гг. на месте ранее имевшихся и являются «детьми» одного «родителя» — Александра Валентиновича Шеина (1958—2005).

Наследственный зодчий, Александр Шеин был известен как человек верующий, семейный и работающий. Вероятно, не в последнюю очередь к религии его подтолкнула неудачная семейная жизнь. В начале 1990-х гг. от него и троих детей (10, 12 и 15 лет) ушла жена. Шеин получил техническое образование, отслужил на флоте и на всю жизнь остался моряком: День Военно-морского флота отмечал среди немногих «своих» праздников, мастерил корабли. С односельчанами близко не общался, поэтому заслужил репутацию отшельника, но с семьей бывшего коллеги по АО «Электросвязь» (Николаем Ивановичем и Татьяной Владимировной Гоменюк) дружил, искал помощи в вопросах воспитания детей. В памяти этих самых близких его знакомых Шеин остался человеком душевным, возвышенным, подверженным внезапным озарениям.

Вместе с Марией Модестовной Сахаровой Шеин наметил план возведения пяти часовен. При ее активном участии часовни и возводились: на «бабу Маню» легло решение проблемы обеспечения Шеина материалами: «Саша-то работал у меня электриком, я когда энергетиком была в совхозе. Так я ему материал так выпишу, ну разве так прямо дадут тебе — знаете, ведь власть-то была. Так я выпишу там, что шиты делать, да эти, ограждения, и что-нибудь. Постройка. Потом... А ему-то... он там делает, а я ему палочки — рабочие дни ставлю» [1]. Причину, сподвигшую Шеина на строительство часовен, объясняют по-разному: «Не знаю, правда ли, нет ли, говорят, что это он замаливал грехи какие-то. Но он верующий очень был, и хороший был мужчина. Люди могут быть неверующими и хорошими, а могут быть верующими и плохими» [2].

Непосредственно перед возведением первой часовни Шеин работал в монастыре преподобного Лазаря Муромского, добраться до которого можно только по воде, через Онежское озеро. Там он укрепил себя и в вопросах веры, и в строительных навыках. У своего дома он один мастерил сруб, который в разобранном виде транспортировался к задуманному месту и уже там доделывался в окончателюм виде. Записная книжка мастера позволяет увидеть проект одной из будущих построек на промежуточном этапе. Идея того, какими должны быть в своем новом обличье утраченные часовни, явно уходит своими корнями в зодчество Кие-
жея.

Отдельные эпизоды постройки в рассказах местных жителей выглядят несколько курьезно: «Верхние-то [кресты], они [направлены на] восток всегда. А внутри — там уж как по церкви получилось. Она полуполучилась — север-восток там. Прямо так. И здесь ведь только зайдешь, ведь тоже. Прямо так она должна стоять точно на восток, в обычной церкви. [Вы по компасу смотрите?] Не, так вот. Мы по этим, так: там восток же, там солнышко-то всегда всходит. Так. А север-от туда. Когда ветер подует, так сразу узнаешь — уже север» [1].

Информанты имеют разное представление об очередности появления часовен. Первой постройкой называют то Казанскую часовню (в честь праздника Казанской иконы Божьей Матери, 28 июля), то Тихвинскую (в честь праздника Тихвинской иконы Божьей Матери, 9 июля). Могла, однако, быть первой и Ильинская, находящаяся вблизи Каршево: «Казанскую тогда строили там [где сейчас Ильинская], дак так планировали, а потом приехал с Петрозаводска там Кузькин, Александр Петрович, и осветил уже как Ильинскую. Ильи, Ильина дня там, 1 августа. Как Ильинскую осветил ту, а эта Казанская и осталась <...> Теперь

просто, когда молятся, дак и Ильин день и... и это, вспоминают там Ильин, в августе, и вот 20-го, 21-го июля — Казанская» [1].

Представляется вероятным, что первой была построена Тихвинская часовня. За дальностью месторасположения (8-9 км от Каршево) она была практически неизвестна. Именно поэтому возведенную следующей Казанскую часовню (в 2 км от Каршево) считают первой. В пользу этой точки зрения говорит и тот факт, что Тихвинская выглядит скромнее и проще своей «младшей сестры». Казанская же — самая просторная, внутри с душою распisanная и самая любимая из часовен. Третьей по очередности постройкой бесспорно считают Ильинскую часовню: расположенная менее чем в километре от деревни, она называется «ближняя». В планах Шеина были также еще одна Ильинская часовня за деревней Якушово и часовня в честь Николая Угодника за деревней Черново.

Новые часовни активизировали религиозную жизнь деревни. Самое значительное действие разворачивается в престольные праздники: «И значит, кто в какой деревне живет, вот в эти дни они ходили раньше на часовню. Вот значит. Какой-то там у якушовских есть там бабушек свой день — они ходят на свою часовню. В Ярчево — на свою. И вот так вот. По своим дням ходят» [2].

Отслужить службу, как правило, приезжает батюшка из Пудожа. По такому поводу собирается иногда до 40 человек, что впечатляет, если учесть, что местный приход насчитывает всего около 15 постоянных членов. Контингент участников праздника следующий: состоящие или не состоящие в приходе религиозные старушки и их внуки и племянники.

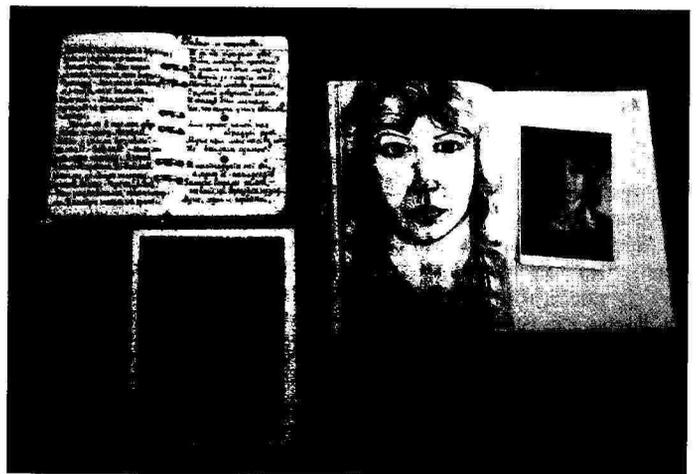
В течение всего года в часовни приносят «пелены». Так называют любые куски материи: платки, отрезки ткани, полотенца (даже махровые, чересчур яркой расцветки, купленные в местном магазине за 20 рублей). «Так я и с ей [бабкой] посылала, ей дала шарф черный, у меня связан был у самой такой. Я говорю: этот шарфик, как там в церкви ходишь, так связывай сама-то. Но и потом послала туды два шелковых платка, и потом послала туды вязаный такой, у меня был вывязан, как носовой платок, кружевами» [3]; «И полотенецко тоже давала туды. Эт самое. Полотен-

ца в церкви-то есть <...> А вот в Казанскую если пойдешь, там тоже: наше полотенце сразу, красное такое, у Иисуса Христа <...> Там полотенецек много там — всех, кто приходит туды» [4]. Иногда принесение пелены приурочивалось к определенному дню: «И когда вот отпускали скот на пастбище, тоже всегда это туды относили эту пелену в эту часовню. А самое главное, потом приносили вот именно в этот праздник» [5].

Пелены вешают на специальные гвоздики, крючки в часовне или же на распятие, если оно есть в часовне. На вопрос, что дальше с этими пеленами происходит, информанты не единогласно, но в большинстве своем отвечали, что батюшка разрешил передавать их самым бедным семьям для бытового использования. Правда, участников или хотя бы свидетелей этих действий среди опрошенных не нашлось.

Традиция приношения пелен не вспомнилась «вдруг» с появлением часовен. К крестам, на месте которых Шеин выстроил часовни, в большие праздники всегда приносили пелены, а под Пасху — даже яйца, очевидно, для освящения. «И раньше были часовни. Ой-ть, я не помню. Уже давно. Наверно, в 30-е годы уже. Потом крест просто стоял. Крест сгнил» [1]. Верующие бабушки хотели бы считать Казанскую часовню подходящей для совершения таинств, но пресидента венчания или крещения здесь еще не было.

Обеспечение хозяйственной стороны функционирования «ближней» и Казанской часовен лежит на Марии Модестовне Сахаровой. Та, что помогла им появиться на свет, не оставляет их вниманием и сегодня. У Марии Модестовны хранится ключ от Казанской — самой примечательной и «богатой» из часовен, она же покупает в Пудоже свечи: «А так-то, люди шас деньги приносят, дак в основном Муся [М.М. Сахарова] собирает и покупает свечи. А свечи потом, когда опять кто приходит, она им продает» [5].

Фотографии А.В. Шеина и его жены, портрет жены работы А.В. Шеина, его записная книжка. 2005 г. Фото А.Л. Топоркова

В ее ведении и покраска пола, и обновление иконостаса: «Я специально сюда и сделала такие крестики. Это вырезала из картин вот. Из календарей из таких. Вот как вот календарь вот теперь, церковные календари продают. От эти иконки я тоже делала с календарей, оттуда. [Это можно иконой считать?] Да-а. А потом, когда отец Николай приезжает, да? Я ему говорю, что эта, вот эту, — эта новосделанная. И он еще освятит их, и все. Пожаруйста» [1].

Александр Шеин ушел из жизни совсем недавно. Односельчане предлагают несколько объяснений этой преждевременной смерти, надо заметить, не взаимоисключающих: надорвался, возводя в одиночку не игрушечные, в общем-то, строения; сказались последствия двух инсультов; или просто «умер с перепоею».

Построить дом, посадить дерево, вырастить сына. Александр Шеин успел вырастить сына и построить три дома. Божьих дома.

Список информантов

1. Мария Модестовна Сахарова, 1933 г.р., д. Ярчево.
2. Елена Геннадьевна Гноц, 1975 г.р., пос. Красноборский.
3. Клавдия Михайловна Устинова, 1928 г.р., пос. Красноборский.
4. Тамара Ивановна Полякова, 1936 г.р., пос. Красноборский.
5. Анна Тимофеевна Петрова, 1933 г.р., д. Ярчево.

К.А. ХОМЯКОВА,
студентка 4 курса РГУ (Москва)

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РЕЛИГИОЗНОЙ СИТУАЦИЕЙ В ПУДОЖСКОМ РАЙОНЕ

Религиозная ситуация в деревнях Нигижма и Каршево и пос. Красноборский Пудожского р-на достаточно своеобразная для сельской Карелии, что связано, в первую очередь, с очень неоднородным населением. Оно делится на исконных жителей района и приезжих, которые стали селиться в бывшем военном городке Красноборский, превратившемся в итоге в центр округи; часть жителей Нигижмы даже переезжают на зиму в построенные там пятиэтажные блочные дома.

Именно там и расположен единственный в округе Красноборский православный приход. Однако в поселке до сих пор нет храма: создатель прихода и председатель приходского совета Алексей Алексеевич Поляков сумел купить у местных предпринимателей за бесценок дом под церковь, но так и не сумел воодушевить своих прихожан на то, чтобы этот дом отремонтировать. В Пудожском р-не есть еще один такой же приход без храма — в пос. Шальский.

Алексей Алексеевич сам по себе фигура достаточно колоритная. Он и его жена — верующие и воцерковленные люди; у них — что в округе редкость — дома есть полный текст Библии, которую они, по их словам, регулярно читают. Свою религиозную культуру они привезли с родины Алексея Алексеевича, из Восточной Украины. Его мать, которая осталась жить в г. Красногоровка (Донецкая обл.), вплоть до начала 1990-х гг. привозила им тетрадки со списками церковной службы и молитв.

У подавляющего большинства местных жителей к моменту распада СССР не было и таких текстов. Карелия, наряду с Белоруссией, была полигоном эксперимента по усиленному внедрению атеизма, и последний храм в республике был закрыт уже в 1941 г.

С падением советской власти началось постепенное возрождение религиозной жизни. В 1994 г. во всей Карелии было тридцать приходов. К началу 2005 г. в одном только Пудожском р-не уже насчитывалось шесть действующих храмов и восемь приходов¹. Однако в районе есть всего три священника, которые не толь-

ко не успевают окормлять всю паству, но даже иногда вступают в конфликты из-за «сфер влияния»: в Каршево это закончилось тем, что два пудожских батюшки, однажды столкнувшись ко взаимному неудовольствию на празднике в деревенской часовне (о ней — ниже), на следующий год не приехали оба.

Конкуренцию православным священникам в Пудожье составляют финские протестантские миссионеры, которые разезжают по деревням с громкоговорящими и проводят службы под открытым небом, сопровождая это раздачей религиозных брошюрок. Местные жители их в основном чужаются, но в «финскую веру» впали несколько старушек из Нигижмы; одна из них даже попробовала окрестить у протестантов соседских детей. Однако Алексей Алексеевич попросил их предъявить разрешение на миссионерскую деятельность, а поскольку зарегистрирована финская община только в Пудожье, пришлось финам уехать.

Пробелы в религиозном знании и недостаток церковных ритуалов заполняют традиционные культовые формы. В д. Нигижма до сих пор сохраняются воспоминания о роднике, к которому когда-то ходили с крестными ходами. И если этот родник сейчас заброшен, то недалеко от д. Каршево есть «действующий»: там стоит новенький деревянный крест. Такие кресты стояли раньше в разных местах по округе, отмечая места старых разрушенных часовен. На месте некоторых из них местный зодчий Александр Шеин построил новые маленькие часовни². Их освятил священник из Пудожа, на престольные праздники там проходят службы. Все эти часовни расположены в отдалении от Красноборского и не связаны с красноборским приходом, хотя Алексей Алексеевич о них осведомлен и лично знал их строителя.

Жители окрестных деревень время от времени посещают часовни, чтобы помолиться и поставить свечку перед иконой. Согласно местной традиции, на стоящие внутри кресты вешают расшитые платки: «... вот тут часовенка в Каршевой. В эту часовенку тоже давала и полотенце, и пла-

ток и всё туда тоже несла. [Зачем вы это делали?] Это завет такой, шtbody чтобы здоровья Бог дал. Пелены называются, пеленки такие» [1].

Дома практически все в красном углу держат иконы, но почти у всех какие-то иконы украдены: трудно найти дом, в который бы не залезли грабители. Отношение к иконам разное. Кто-то хранит их, потому что так было всегда: «[Зачем нужно держать дома икону?] Как зачем... А где их держать? Иконку надо держать в доме. [Она как-то помогает?] Да, помогает, конечно. Без Бога, — говорят, — ни до порога. [А что это значит?] М-м? А што значит... Не знаю, што значит, так надо, так принято» [2].

Кто-то держит иконы из суеверных соображений, для защиты. Например, жена главы местного лесхоза сначала объясняла, что икону над телевизором вешать нельзя, но потом созналась, что у нее там висит Неопалимая Купина — «все-таки электричество». Список Неопалимой Купины отнес на свою пасеку и Алексей Алексеевич, помня о случившемся неподалеку страшном пожаре. Для того же и вербные ветки за иконой: «[А сколько они должны там быть?] А пусть она стоит. Скот со... сохраняет» [3].

Когда батюшка приезжает в округу, его стараются подловить, чтобы окрестить детей или освятить дом (например, чтобы перестали приходить умершие родственники): «[Что изменится, если батюшка окропит дом?] Ну, может быть, какая-то сила будет как-то <...> охрана какая-то... шtbody охраняла это всё» [4]. С этими же соображениями может быть связано и желание окреститься: «Ну, фсе крещёные теперя здесь в доме, как одна хозяйка осталась [после смерти мужа], за старшего» [4]. Самые ревностные прихожане ездят на большие религиозные праздники в Пудож или Петрозаводск.

Как уже говорилось, тексты Библии мало у кого есть, чуть чаще — тетрадки с молитвами. Впрочем, большинство людей знает всего 3-4 молитвы; в том числе обязательную «Отче наш»: «Это, утром фстань — фсегда скажи "Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь". И еще